

АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

*БЕГЛЕЦ
И
БЕГЛЯНКА*

Красава: романы в картинках

Андрей Бондаренко

Беглец и Беглянка

«Автор»

2016

Бондаренко А.

Беглец и Беглянка / А. Бондаренко — «Автор»,
2016 — (Красава: романы в картинках)

Камчатка – призрачный, загадочный и таинственный Край. Охота. Охота – серьёзная, многоуровневая и настойчивая, без малейших правил и милосердия. На вас, тринадцатилетних. Ладно, дяденьки, ловите. Только будьте, ради Бога, осторожнее: никто, ведь, не обещал, что беглецы сдадутся без боя... И ещё одно. О многих событиях, описанных ниже, уже упоминалось в романе «Дорога к вулканам». Но там это делалось, так сказать, «с точки зрения фантастики». А в этой книге рассказывается – как оно всё было на самом деле. Как было – так и рассказано. Ничего не приукрашивая...

© Бондаренко А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

От Автора	5
Миттельшпиль, середина Игры	6
Глава первая	8
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Бондаренко

Беглец и беглянка

От Автора

Картинки из Прошлого.

Картинки.

С возрастом они приходят всё чаще и чаще. Во сне. Или же, наоборот, не давая уснуть до самого утра.

С почётным, скучным и безвозвратным возрастом. Практически на пороге...

На пороге – чего? А хрен его знает, если честно. Но некоторые итоги, пусть и сугубо промежуточные, подбить будет не лишним.

«Свои» картинки. Да и «чужие». То есть, навеянные чьими-то запутанными рассказами, и уже – за давностью лет – воспринимаемые как «свои».

Итак, Камчатка – призрачный, загадочный и таинственный Край.

Охота.

Охота – серьёзная, многоуровневая и настойчивая, без малейших правил и милосердия.

На вас, тринадцатилетних.

Ладно, дяденьки, ловите.

Только будьте, ради Бога, осторожнее: никто, ведь, не обещал, что беглецы сдадутся без боя...

И ещё одно. О многих событиях, описанных ниже, уже упоминалось в романе «Дорога к вулканам». Но там это делалось, так сказать, «с точки зрения фантастики». А в этой книге рассказывается – как оно всё было на самом деле.

Как было – так и рассказано. Ничего не приукрашивая...

Автор

Миттельшпиль, середина Игры

Он осторожно выглядывает из-за крайней разлапистой берёзы Эрмана.

Возле дотлевающего костра на земле сидит Костька. Его седовласая голова окровавлена. Шаман, ухватившись обеими ладонями за древко своего чёрного посоха, пытается подняться на ноги. Рядом с ним, мерзко ухмыляясь, стоит низенький мужик в пятнистом камуфляже, с автоматом Калашникова в руках.

Второй «камуфляжник» (высокий и очень широкоплечий), крепко обхватив за талию и плечи, тащит к сборно-щитовому домику упирающуюся Дарью. Автомата у здоровяка нет, но на широком поясе брюк закреплена чёрная кобура.

План рождается сразу.

Олег ложится на землю и ползёт по-пластунски в сторону костра. В кулаке его правой руки по-прежнему зажата рукоятка охотничьего ножа.

«Первым делом, надо разобраться с автоматчиком. В том смысле, что отключить его и разжиться автоматом», – колотятся в голове мысли. – «Всё остальное – потом. Потом. Потом. Потом...».

Он ползёт вперёд, стараясь делать это максимально быстро и бесшумно, а до его слуха долетают различные звуки.

– Сиди, дед, не дёргайся, – советует вальяжный мужской баритон. – Но почему же ты такой упрямый?

– Хр-р, – болезненно хрипит Ворон. – Хр-р-р...

Даша испуганно повизгивает и отрывочно ругается.

Раздаётся тоненький скрип дверных петель. Ещё через пару секунд – негромкий стук.

«Облом затасил Дашуту в домик и захлопнул дверь», – понимает Олег. – «Надо потопрапливаться...».

– Э-э-э, дед, ты что? – напрягается баритон.

– В глаза мне смотри, путник, однако.

– Аккуратней, старикан...

– Бах! – звучит одиночный выстрел.

Олег вскакивает на ноги и метает в низенького «камуфляжника» нож.

Он умеет хорошо метать ножи? Хорошо – только в теоретическом плане. Много читал об этом высоком искусстве: и в толстых приключенческих романах, и в профильной учебной литературе. А на практике получалось не очень. Много раз ходили с одноклассниками в лес, метали. Результаты, честно говоря, были так себе...

Тем не менее, вскакивает и метает.

Нож, сделав полтора оборота (как и полагается по теории), вонзается – по самую рукоятку – в горло низенького «камуфляжника».

Брызнула кровь? Может быть. Но Олег этого не заметил.

«Главное, что коротышка, выронив из рук автомат, упал», – проносится в голове. – «Теперь – вперёд. Не теряя времени...».

Олег уже возле упавшего: подхватывает в ладони автомат и, даже не взглянув в сторону Ворона, бежит к сборно-щитовому домику.

«Главное сейчас – Дашута», – монотонно стучит в голове. – «Дашута – главное...».

А ещё он на бегу переводит автоматный предохранитель из положения «одиночные выстрелы» на «короткие очереди».

Для чего и почему – переводит? Просто ему кажется, что так надо сделать. Мол, для пущей надёжности...

Салатово-зелёный домишко уже совсем рядом.

Снова раздаётся противный тоненький скрип. Дверь медленно приоткрывается.

Олег резко останавливается и вскидывает автомат. Но уже через секунду опускает его стволом вниз: на крыльце домика стоит Дарья, в ладони её правой руки – пистолет, а верхняя часть сине-голубого спортивного костюма и половина лица – в крови...

Глава первая Удачливый

«Эх, мама-мамочка моя, как же так? Зачем? Ну, рак поджелудочной железы. Бывает. Мол, плохая наследственность и нездоровое питание в юношеские годы... Плохая наследственность? Ну, да – в глобальном плане, если родители происходили из семей репрессированных. «Я помню тот Ванинский порт, и крик парохода угрюмый...». Откуда, спрашивается, было появиться несокрушимо здоровью, передаваемому по наследству? Бред бредовый... А здоровое питание? В семидесятые-восемидесятые нищенские годы? Откуда, спрашивается, ему тогда было взяться на Богом забытой Камчатке? Где они тогда были – полезные витамины и всякие там редкоземельные элементы? Только если в местных травах, ягодах и корешках, до которых так и не добрались всеядные медвежьи пасти... Значит, рак навалился и скрутил – буквально-таки за полтора месяца. Сука грязная и позорная... Извини, мама, само вырвалось. Я больше не буду так грязно выражаться. Честное слово. Ты этого никогда не любила... Но папа же договорился тогда обо всём с одной известной московской клиникой. И оплатил – комплексное лечение. И «эмчээсовский» самолёт, оборудованный всякими современными медицинскими штуковинами, заказал. Вместе с квалифицированным персоналом. И оплатил. Я все бумаги сам видел. Лично. Была реальная надежда на выздоровление. Была. Надежда. Ещё восемь с половиной месяцев тому назад... Зачем же ты, а? Да ещё так? Не понимаю... Бросилась с обрыва. С высоченного. Говорят, что пролетела больше ста семидесяти метров. Прямо на острые-острые камни... Даже проститься с тобой не дали, чтобы, мол, не травмировать хрупкую подростковую психику. Закрытый скромный гроб. Сырая чёрно-серая земля. Мелкие гранитные камешки, брошенные из дрожащих ладоней на крышку гроба. Лопаты могильщиков. Совковые... Почему же ты опять мне снишься? Зачем? Снишься и снишься. Снишься и снишься... Нет-нет, снись, сколько захочешь. Хоть пятьдесят лет. Хоть все пятьсот. Как захочешь... И повторяй-повторяй-повторяй. Повторяй. Раз так тебе хочется. Мол: – «Сыночек, ты совсем большой у меня. Тринадцать с половиной лет – это уже серьёзно. Почти взрослый. И веди себя соответственно – по-мужски. И, главное, ничего не бойся. И никого. Ты всё сможешь. Всё выдержишь. Всё перетерпишь. Всё преодолешь. И никого никогда не предашь. И отомстишь...». Мама-мама, мамочка моя. Любимая... А мстить-то я кому должен? И за что? Подскажи, пожалуйста... Молчишь, смущённо отводя глаза в сторону? Ладно. Попробую сам во всём разобраться. Всенепременно попробую. Спасибо – за совет... И... Можно, я попрошу тебя об одном? Спасибо... Ты снись мне, пожалуйста, и дальше. Обязательно – снись. Хоть каждую ночь... А я обязательно попробую... Попробую – соответствовать твоим ожиданиям. Клянусь...».

- Бух-х-х! – призывно гремит где-то – на самом изломе сонного подсознания.
- Тз-цинъ-нь-нь, – тихонько и жалобно дрожат стёкла в оконных рамах.
- Бух-х-х!
- Тз-цинъ-нь-нь...

Олег приподнимает голову над подушкой.

– Бух-х-х-х-х...

– Тз-цинъ-нь-нь-нь-нь...

– Вот же, старикан неугомонный.

Отбросив одеяло, он встаёт с постели и подходит к окну.

На сизо-розовом полотне утреннего небосклона – над мрачной стеной дальнего тёмно-зелёного леса – величественно клубятся широкие полосы густого чёрно-серого дыма.

– Опять, дружище, подловил, – протирая кулаками сонные глаза, неодобрительно бормочет Олег.

Бормочет – неодобрительно, но улыбается – при этом – однозначно по-доброму и понимающе...

Что ещё за «бухи» имели место быть в то памятное утро? Это просто знаменитый камчатский вулкан Шивелуч, заскучав в гордом одиночестве, решил немного порезвиться и пообщаться с местными жителями. Тем более что до него и недалеко совсем было – порядка сорока шести-семи километров.

Извержение вулкана? Ерунда, локальное. Всего-то на несколько суток. Шивелуч, он такой: чуть ли не каждый месяц напоминает о своём существовании. Покашляет чуток. Погремит. Раскалённой лавой слегка поплюётся. А после этого вновь – на некоторое время – впадёт в спячку. Обычное дело... Что там взрывается? В основном, газы всякие и разные. А ещё иногда из жерла Шивелуча и бомбочки вулканические вылетают. Рутинка камчатская, короче говоря...

Больше не бухает. Дым над дальним лесом заметно истончается.

Олег стоит у окна.

«Семь тридцать утра. Погода – просто замечательная», – лениво бродят в голове разноплановые мысли. – «Небо ясное и лазурно-голубое. Безветренно. Теплынь. Уже третьи сутки над нашим славным полуостровом висит устойчивый и обширный антициклон. Знать, и пугливая рыба постепенно отошла от недавних природных катаклизмов. То бишь, от ливней, гроз и штормовых северо-восточных ветров... Успокоилась. Вылезла из глубоких ям и омутов. И вновь принялась – в преддверии скорого осенне-зимнего сезона – активно жировать. Повезёт сегодня – в обязательном порядке. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно... А почему, кстати, нигде не видно Василича? Он в это время обычно уже что-то копает, пропальывает или же воду набирает из колодца. Странно... И гуси гогочут, словно бы сто лет не кормленные. Ага, и козы голос подают. Ерунда какая-то...».

Недоумённо передёрнув плечами, он идёт в туалетную комнату. Справляет естественные нужды. Умывается. Чистит зубы. Причёсывается перед зеркалом. Возвращается в спальню. Меняет фланелевую пижаму на хлопчатобумажный спортивный костюм. А мохнатые домашние тапочки – на удобные кроссовки. И спускается по деревянной винтовой лестнице на первый этаж.

– Груня, – зовёт Олег.

Тишина.

– Груня! – повышает голос.

Нет ответа.

Столовая, гостиная, кухня, гостевые спальни – никого. Лишь чуткая тишина вокруг, нарушаемая – местами – монотонным жужжаньем беспокойных пчёл, залетевших с улицы.

В прихожей – под овальным зеркалом – отрывной календарь: двадцатое августа, 1998-ой год.

Он выходит на крыльцо и кричит:

– Василич! Эй! Груня! Отзовитесь! Эге-гей! Куда вы все запропали? Найда! Ау! Где ты, противная собака?

Нет ответа. Только требовательный гогот гусей и жалостливое блеяние коз становятся всё громче. И курицы, поддерживая, начинают рассерженно кудахтать.

– Как мама умерла, так они все тут слегка разбаловались, – шепчет Олег. – А ещё и папа – неделю назад – улетел по важным делам в солнечную Испанию. Кот из дома – мыши в

пляс. А я на роль строгого хозяина дома не очень-то подхожу.... Груня, наверняка, к старшей дочери в Козыревск укатила. А Василич и в классический русский запой мог запросто уйти. На него иногда накатывает.... Ладно, отложив рыбалку на час-другой, сам поработаю. Чай, не переломлюсь. Жили же мы раньше без прислуги. И ничего...

Их семья, действительно, разбогатела только два с половиной года тому назад – с тех самых пор, как Митин-старший заделался владельцем всех местных лесопилок и лесосек: переехали в комфортабельный коттедж за высоким кирпичным забором, наняли садовника-огородника-скотника-птичника-пчеловода (в одном лице), горничную-кухарку и шофёра-охранника. А раньше-то Михаил и Арина Митины были обычными камчатскими фермерами «мелкой руки», да и сына своего единственного – с самого малолетства – приучили к труду крестьянскому. И козы-курицы-гуси-кролики-пчёлы переселились в новообразованное поместье из той, прежней, скромной и обычной жизни.

Олег сноровисто напоил и накормил животных. Подоил коз. Собрал в берестяное лукошко с полтора десятка крупных, жёлто-коричнево-пятнистых куриных яиц. А заглянув в большой застеклённый парник, недовольно покачал головой:

– Огурцы, понимаешь, переросли. Совсем Василич мышей не ловит. Ладно, самые крупные, пожалуй, с собой прихвачу. А остальные уже завтра сорву, по возвращению. Часть, может, засолю. Другую, наоборот, замариную. В зависимости от настроения.... Кабачки-переростки? Козам и кроликам скормлю, не вопрос...

Тихий вкрадчивый шорох за спиной.

Он, торопливо нащупывая ладонью – в правом боковом кармане спортивной куртки – чёрный брусок бельгийского метательного ножа, оборачивается.

Качающаяся – чуть-чуть – разноцветная листва декоративного кустарника.

– Кто там прячется? Выходи, гнида позорная.... Ну, долго я буду ждать? Порешу на раз.

– Хр-р-р.... Гав!

– Это ты, Найда? Извини. А я, уж, подумал – чёрт-те что...

Из-за разлапистого куста японской гортензии появляется крупная охотничья собака.

Лайка? Может быть, если рассуждать по-глобальному. Только какая-то откровенно нетипичная. Белая, с редкими жёлто-бисквитными пятнами на боках. Компактная, ладная, лохматая и «шерстяная». Голова мощная и слегка клиновидная. Угольно-чёрный аккуратный нос. Углы рта слегка загибаются, образуя некое подобие ехидно-философской улыбки. Глаза тёмно-коричневые, глубоко посаженные, широко расставленные, немного раскосые, миндалевидной формы. Хвост пышный, гордо закинутый на спину. А, вот, уши какие-то маленькие и слегка закруглённые на концах.

В тёмно-жёлтых собачьих зубах зажата тушка юного лесного зайца.

– Хряп, – кривые зубы разжимаются, и добытый заяц послушно плюхается на землю.

– Молодец ты у меня, – хвалит Олег. – Добытчица. Знатная и умелая.

– Гав! – отзывается собака, мол: – «Сама знаю. Но за доброе словечко – спасибо...».

Найда, она чистокровная самоедка¹. Три с половиной года назад Митин-старший купил за пять американских долларов лобастого и на удивление хилого щенка – у старого чукчи, на северном плато Корякского нагорья. За прошедшее с того момента время из уродливого «цуцика» настоящая красавица выросла: сильная, отважная и грациозная – до полного умопомрачения.

¹ – Самоедская собака – в просторечии самоед или самми, одна из древнейших пород собак. Уже на протяжении трёх тысяч лет является домашним животным северных племён народностей самодийской языковой группы.

Откуда взялся заяц?

Собака уже давно вырыла под кирпичным забором – за пчелиными ульями – тайный лаз. А отец Олега, узнав про это, велел не препятствовать, мол: – «Самоедам без регулярной охоты – никак нельзя. Могут всерьёз затосковать и впасть во фрустрацию. Шерсть, тьфу-тьфу-тьфу, конечно, начнёт вылезать-выпадать, зубы и клыки крошиться в пыль.... Оно нам надо? Не надо, зорька ясная.... А так собака регулярно в тайгу наведывается. Свежим воздухом дышит. Охотится. Добычу приносит: зайчишек, белок и тарбаганов...».

Кто такие – тарбаганы? А это сурки местные, камчатские, упитанные. Их топлёный жир здорово при простудных радикулитах и застарелых артритах помогает...

– Знатный нынче заяц по камчатским лесам и перелескам скачет, – подбирая с недавно подстриженного газона тяжёлую звериную тушку, констатирует Олег. – В том смысле, что упитанный. И шкурка хорошая: гладкая, блестящая и без проплешин. Лето же нынешнее выдалось – просто на загляденье. В меру дождливое, с достаточно тёплыми ночами. Вот, зверьё лесное и взяло своё, по полной и расширенной программе.... Лето тёплое, плодородное и доброе – это хорошо? Ну, как посмотреть, блин горелый. Если с легкомысленной и обывательской точки зрения, то просто замечательно. А если – со стратегической и долгоиграющей? Философия, будучи наукой серьёзной и грамотной, утверждает: – «Если в одном конкретном месте что-то прибывает, то в другом – непременно – убывает...». Следовательно – что? Следовательно, вскоре надо ждать насквозь негативных осенне-зимних сюрпризов – в плане погоды. Не, как по мне – так пусть лучше будет суровая и снежная зима, чем избыточно-дождливая, слякотная и ветреная осень.... Кстати, я тут на рыбалку собрался.

– Гав?

– Куда? Ещё не решил.... Составишь мне компанию?

– Гав! – радостно кивает лохматой головой Найда. – Гав, гав, гав...

Собрался он быстро. Запихал тушку добытого зайца (уже выпотрошенную, без головы и со снятой шкуркой), в полиэтиленовый пакет, а его – в свою очередь – определил в морозильную камеру. Отправил в холодильник куриные яйца и две пузатые керамические крынки с козьем молоком. Накормил Найду говяжьими почками. Наскоро перекусил бутербродами с колбасой, маслом и сыром. Запил бутерброды растворимым кофе без молока и сахара. После этого сложил в наплечную кожаную сумку нехитрую провизию: буханку чёрного хлеба, две банки говяжьей тушёнки, шматок сала, с десяток огурцов, пачку чая, грамм триста фруктовой карамели. Ну, и немного соли, чёрного перца и лаврового листа – для возможной ухи. Вот, собственно, и все сборы.

А как же походная одежда, резиновые сапоги, котелки-кружки и всяческие рыбацкие снасти? Всё это хранилось на речном берегу – в маленьком гараже, выстроенном рядом с лодочным причалом. Очень удобно, знаете ли...

Прихватив сумку с провизией и заперев глухую железную калитку в кирпичном заборе, он шагает направо. Найда, чуть заметно помахивая пышным хвостом-кренделем, семенил рядом.

Тепло, но между деревьями и кустами, растущими вдоль дороги, плавно перемещается лёгкая туманная дымка. Солнышко нерешительно прячется за длинными светло-сизыми облаками.

Навстречу идёт мужчина средних лет, облачённый в пятнистую военную форму без погон. Это Иван Павлов, когда-то начинавший фермерскую карьеру вместе с Михаилом Митиным.

Завидев мальчишку с собакой, мужчина останавливается и нерешительно топчется на месте.

– Привет, дядя Ваня, – здоровается Олег.

– Ага, здравствуй, Олежа. Хорошая сегодня погода, – смущённо бормочет Павлов, а после этого резко разворачивается на девяносто градусов и исчезает в боковом проулке.

– Гав? – удивляется Найда.

– Не знаю, что это на него нашло. Чудак – одно слово...

Поворот, второй, впереди заметно светлеет, и вскоре они выходят на каменистый речной берег – как раз напротив того места, где речка Еловка впадает в реку Камчатку. Кофейно-бурый поток – это Камчатка. А светло-светло-серый и более узкий, соответственно, Еловка. Над водой мелькают – чёрными изломанными молниями – шустрые камчатские стрижи. По речной глади следует – вниз по течению – старая самоходная баржа, перевозящая доски и брус.

– Наши с папой доски и брус, – уточняет Олег. – То бишь, изготовленные на наших лесопилках. В Усть-Камчатке всё это перегрузят на солидное океанское судно и – вместе с другими пиломатериалами – отправят в Японию. Или, к примеру, в Южную Корею... Папа. И зачем он срочно улетел в Испанию, а?

– Гав.

– Не знаешь? Вот и я не знаю. Без малейшего понятия... И вообще. Каким-то очень взволнованным он выглядел при прощании. И озабоченным. И хмурым. И несколько раз спросил: – «Помнишь, сынок, где находится наш тайник? Сможешь его самостоятельно найти – ежели что?». Я ему, мол: «Помню и, конечно же, найду. Без проблем». Он головой заторможенно покивает, а через час-другой по новой: – «Помнишь про наш тайник? Сможешь его отыскать?». Ерунда какая-то.

– Гав, – добродушно виляя хвостом, соглашается Найда.

На северо-востоке, над далёкой линией горизонта, величественно возвышается конус Шивелуча.

– Славный старикан, – одобрительно хмыкает Олег. – Мощный такой, солидный и горделивый... И сегодняшние дымы впечатляют. Клубятся, клубятся. Вверх поднимаются. А потом, постепенно превращаясь в длинный шлейф-полосу, заметно отклоняются к западу. Значит, ветерок сегодня дует со стороны Тихого океана.

Над конусом вулкана появляется-возникает ярко-розовый всполох. Второй.

Секунд через пятнадцать-двадцать с той стороны долетает:

– Ба-бах! Бух-х-х-х-х...

– Гав, – сообщает Найда.

– Ага, согласен. Вулканическими бомбочками плюётся, не иначе. Фокусник хренов...

У дощатого безлюдного причала неподвижно застыли – на коротких ржавых цепях – несколько десятков деревянных, алюминиевых и дюралевых лодок. Чуть дальше расположились, выстроившись в два неровных ряда, разномастные гаражи.

Вообще-то, Митин-старший в последнее время частенько говорил, мол: – «Давно уже пора обзавестись приличным катером или даже солидной яхтой. Статус – дело такое. Ему соответствовать надо...». Только дальше слов дело так и не пошло: на рыбалку они по-прежнему отправлялись на старенькой и потрёпанной «Казанке».

Олег отмыкает массивный навесной замок и входит в «фамильный» гараж. Переодевается в походную одежду. Меняет кроссовки на многократно-проверенные болотные сапоги. Закрепляет на брючном ремне деревянные ножны с дельным охотничьим ножом. Складывает в рюкзак нехитрую посуду, снасти и прочие рыбацкие причиндалы. Относит в «Казанку» вёсла, рюкзак, сумку с продовольствием, а также брезентовый чехол со спиннингом и телескопической раздвижной удочкой. Возвращается в гараж. Заполняет бачок пятнадцатисильного япон-

ского мотора смесью машинного масла и бензина – в соотношении один к двадцати. Относит мотор, предварительно заперев гаражную дверь, на причал и надёжно закрепляет его на корме лодки. А после этого впадает в задумчивость.

– Гав? – к «Казанке» подходит Найда.

– Ну, да, решаю, куда податься, – подтверждает Олег. – Мы с Василичем планировали спуститься вниз по течению Камчатки и по узкой дельтовой протоке доплыть до лагуны Маламваям². Там сейчас корюшка, навага и камбала должны хорошо ловиться. Это Груня морскую рыбу заказала. Мол, речная и озёрная приелись слегка.... Но, где он, Василич?

– Гав!

– Правильно, нет его. Испарился, бродяга непоседливый, в неизвестном направлении. А я маме обещал – не отплывать в одиночку далеко от посёлка. Обещанья же, как известно, надо всегда выполнять. Принцип такой краеугольный.... Поэтому мы пойдём вверх по течению, к Второму лабиринту. Это недалеко совсем, и тридцати километров не будет.... Согласна?

– Гав!

– Тогда – залезай. Будем стартовать.

Дождавшись, когда собака займёт место в лодке, Олег отталкивает «Казанку» от берега и запрыгивает на её нос.

Через полторы минуты над речными просторами разносится негромкое тарахтенье подвесного мотора, и «Казанка», уверенно преодолевая встречное течение, начинает отдаляться от причала...

Что ещё за «Второй лабиринт»?

Рассказываю. Река Камчатка является крупнейшей рекой Камчатского полуострова. Ительмены издревле называют её – «Уйкоаль», что в переводе на русский язык означает – «Самая большая река». Считается, что длина Камчатки – от истока до устья – составляет около семисот пятидесяти километров. Но это – если мыслить прямыми и ломаными линиями. Но Камчатка – самая извилистая речка в Мире. Самая-самая-самая. Петляет, петляет, петляет. Обычные петли, двойные, тройные, обратные, восьмёрочные.... Сколько можно, двигаясь на лодке вниз по её течению, намотать километров? Трудно сказать. Несколько тысяч, наверное. А ещё на реке наличествует великое множество протоков и стариц, в которых заблудиться – раз плюнуть. И сотни тысяч озёр и озерков, расположенных на низких речных берегах. Гигантская и бескрайняя водная страна, короче говоря, со своими особенностями и причудами.... Так вот. «Второй лабиринт» – так в народе называется причудливое наслоение речных петель (практически незатянутый морской узел), расположенное в двадцати шести-семи километрах вверх по течению Камчатки – относительно посёлка Ключи. Достаточно рыбное местечко. Для тех, естественно, кто умеет эту самую рыбу ловить....

Вволю попетляв по хитрым речным излучинам и протокам, «Казанка» пристаёт к западному берегу. Вернее, к низкой песчаной косе аккуратной полукруглой бухты.

Окончательно заглушив мотор, Олег вылезает на берег и, крепко ухватившись ладонями за металлический кронштейн на носу плавсредства, затаскивает лодку – на треть корпуса – на песчаную косу. Найда тут же выпрыгивает из «Казанки» и, тихонько гавкнув, скрывается в густом ельнике.

– Охотиться пошла, – понимающе хмыкает Олег. – Ну, и ладно. Кто-то рыбачит. Кто-то охотится. Разделение труда, так сказать. Чисто для пользы общего дела....

Он перетаскивает к балагану рюкзак, наплечную сумку и чехол с удочкой-спиннингом.

² – Лагуна Маламваям – мелководный морской залив лагунного типа. Расположена в районе северо-восточного побережья полуострова Камчатка, является южной частью Карагинского залива.

Балаган, это такое временное строение: грубый каркас из толстых веток и досок, три стены и крыша которого обтянуты-оббиты старым рубероидом. Разжигаешь возле входа в балаган жаркий костерок, забираешься внутрь, ложишься на толстую подстилку из елового лапника, укрываешься ватником и спишь, холода не ведая. Красота.

– Крепкий, – одобрительно похлопывая ладонью по боковой стенке балагана, шепчет Олег. – Мы его вместе тогда построили, почти два года тому назад: я, папа и мама. Эх, мама моя, мамочка...

Олег, ослабив шнуровку, достаёт из рюкзака «кораблик». Это такая хитрая снасть для ловли рыбы – маленький катамаран, две заострённые вертикально-поставленные дощечки которого соединены между собой тонкими горизонтальными планками. А на отдельной берёзовой дощечке намотано метров пятьдесят-шестьдесят толстого капронового шнура, ближе к концу которого (прикреплённого к боковине «кораблика»), привязаны поводки из лески диаметром 0,3 миллиметра с самодельными мушками-приманками.

Мушки – статья особая. Из чего их только не делают идейные камчатские рыбаки, брезгующие – в большинстве случаев – покупными импортными изделиями. Из шерсти и подшерстка всех «шерстяных» животных. Из перьев всех-всех-всех местных водоплавающих птиц. Из разнообразных синтетических материалов, включая «щетину» китайских бытовых швабр и кисточек. Ну, и применяя – для пущей эстетики – самые хитроумные долгоиграющие краски.

Митины же в этом плане были упёртыми и законченными консерваторами, и для изготовления рыбацких мушек использовали только олени и кабаньи «шерстины», да подбрюшные перья краснозобых казарок. Краски? Фи, как пошло. Вполне достаточно красной шерстяной нити. Для тех, кто понимает, конечно...

– Подъехать на лодке к Серой скале? Там, конечно, знатная стремнина. И глубокий омут совсем рядом, – неторопливо оглядывая речные просторы, рассуждает Олег. – Крупная рыба обожает такие места... Только у скалы и перевернуться – плёвое дело. А я сегодня, как назло, один. Неоправданный риск, как любит выражаться отец, он умному человеку ни к чему. Ладно, здесь попробую порыбачить. Глядишь, и будет толк...

Какую рыбу собрался ловить Олег? А всякую и разную. И крупную, и не очень. Камчатка – самая рыбная и щедрая река полуострова, и видов рыб в ней водится – чёрт знает сколько. Перечислю только некоторые – чисто навскидку: горбуша, кета, нерка, кижуч, чавыча, сима, микижа, мальма, кунджа, хариус, ну, и так далее...

Прихватив «кораблик» подмышку, Олег возвращается к реке и отходит от «Казанки» – вверх по течению – метров на шестьсот пятьдесят.

Здесь прибрежная коса уже не песчаная, а каменистая – с отдельными каменными глыбами, торчащими из речной воды.

Он перебирается, ловко перепрыгивая с камня на камень, на покатый гранитный тёмно-красный валун, расположившийся рядом с белопенной струёй сильного течения. Перебирается и умело запускает «кораблик», постепенно стравливая с берёзовой дощечки – под лёгким натягом – капроновый шнур.

Маленький катамаран постепенно отходит от валуна примерно на сорок пять метров, шнур тихонько звенит, «кораблик», зарываясь вертикальными дощечками в речные буруны, замирает на месте, мушки весело и призывно скачут по гребням волн...

Звонкий удар хвостом по воде, брызги во все стороны. Это какая-то рыба прыгнула на мушку.

Олег резко подсекает, несуетливо подводит «кораблик» к валуну и аккуратно снимает с крючка светло-серебристую рыбку с мелкой чешуёй. Бока и брюхо добычи покрыты чёрными и тёмно-бордовыми точками-пятнышками.

– Речной голец. Вернее, мальма, если по-местному. . . . Грамм на семьсот-восемьсот потянет. Хороший задел. Знать, клёв будет. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. . .

Рыба, оглушённая коротким ударом головой об валун, отправляется в полиэтиленовый пакет, извлечённый из бокового кармана старенькой штормовки. «Кораблик» уходит во второй рейс.

Звонкий удар хвостом по воде, брызги во все стороны.

– На этот раз кто-то покрупнее попался, – подтягивая катамаранчик, радуется удачливый рыбак. – Снова мальма? Посмотрим. . . . Ага, в воде мелькает бледно-жёлтый бок с крупными светлыми пятнами. Значит, кунджа. Килограмма, наверное, на полтора. . .

«Кораблик» вновь, трудолюбиво зарываясь вертикальными дощечками в тёмные речные воды, замирает на месте, мушки весело и призывно скачут по гребням волн.

Неожиданно рядом с катамараном возникает здоровенный бурун, в котором виден – на долю секунды – здоровенный (ну, очень здоровенный), рыбий хвост.

Мощный звонкий шлепок, и деревянный «кораблик» мгновенно разваливается на отдельные дощечки и планки.

– Чёрт знает, что такое! – размеренно наматывая на дощечку шнур, возмущается Олег. – Всю рыбалку, гад хвостатый, испортил. . . . Из чего я теперь смастерю новый «кораблик»? А? Вот же, не было печали у гусара. . . . Кто же это такой шустрый и крупный? И на сколько, интересно, этот поганец потянет? Килограмм на пятнадцать-двадцать? Или же ещё крупнее? Ладно, наглец бокастый, я с тобой сейчас разберусь. Сейчас-сейчас. По полной и расширенной программе. Только не отплывай, пожалуйста, далеко. . .

Олег возвращается к балагану. Бросает бесполезную дощечку с капроновым шнуром и мушками на высокую моховую кочку. Рядом пристраивает полиэтиленовый пакет с пойманной рыбой. Достает из брезентового чехла и собирает – из составных частей – спиннинг. Закрепляет на его удилище – чуть выше пробковой рукояти – безынерционную катушку. Пропускает леску через спиннинговые кольца. Привязывает к леске надёжный стальной поводок. Вытаскивает из рюкзака круглую жестяную коробочку с блёснами и воблерами. Раскрывает её. И после недолгих раздумий останавливает свой выбор на «змейке».

Что ещё за «змейка» такая? Самоделка. В том плане, что эту нестандартную снасточку Олег сам изготовил, прошлой зимой. Знаете, есть такие ёлочные новогодние гирлянды, состоящие из серебристых блестящих шариков, нанизанных на капроновую нить? Вот, кусочек такой нити – с десятком шариков – Олег от гирлянды и отрезал. Потом насадил шарики на «первую» гитарную струну. Лишнее, понятное дело, удалил с помощью ножниц по металлу. А к кончикам отрезка струны припаял два карабинчика: один (тяжёлый), для лески или стального поводка; второй (лёгкий), для кольца с рыбацким «тройником».

Осмотрев снасточку, он заменяет закреплённый на ней «тройник» на другой, самый крупный – из тех, что обнаружили в коробочке. А после этого закрепляет «змейку» на колечке стального поводка.

Олег, предварительно раскатав голенища болотных сапог, осторожно заходит в реку.

Почему он не забрался на покатый гранитный валун, с которого уже рыбачил? Скажете тоже. Камень, торчащий из реки, является – при ловле очень крупной рыбы – достаточно коварной штуковиной. Запросто можно – в процессе борьбы с потенциальным трофеем – поскользнуться и свалиться в воду. А ещё и головой удариться – об тот же самый валун, на котором и поскользнулся. . .

Взмах спиннингом. Заброс «змейки» метров на шестьдесят. Чуть слышный треск катушки, наматывающей – с короткими рывками и паузами – леску.

Взмах. Заброс. Треск.

Взмах. Заброс. Треск...

Удар!

Удилище спиннинга тут же сгибается в крутую дугу. Оглушительно трещит катушка. По воде ходит – туда-сюда – огромный бурун, создаваемый усилиями большой и сильной рыбыны.

Олег медленно перемещается вдоль берега, то отпуская леску, то подматывая её.

Отчаянная борьба длится и длится.

Мышцы спины и плеч сводит судорогами. Ледяная речная вода переливается через края рыбацких сапог. Летнее камчатское солнышко, лукаво проглядывая сквозь широкие прорехи в низких тёмно-серых облаках, начинает откровенно припекать. По лбу, застилая глаза, скатываются крупные и частые капли слегка солоноватого пота. Пальцы рук предательски немеют.

Сквозь всплески, производимые неизвестной рыбиной, долетает шум работающего лодочного мотора. Но Олегу сейчас не до ерунды: он весь поглощён одним – борьбой...

Наконец, где-то через полчаса, добыча отчаянно прыгает по чёрным прибрежным камушкам. Несколько ударов увесистым булжником по бугристой рыбьей голове, и всё – полная и окончательная победа.

– Ну, и ничего же себе, – с трудом переводя сбившееся дыхание, восторженно охает Олег. – Натуральное чудо-юдо какое-то. Кожа тёмная и очень жёсткая на ощупь. Как у..., как у престарелой камбалы. Вдоль хребта красуются непонятные шишечки-наросты. Морда непривычно-длинная. Рот – внизу. Но достаточно большой и круглый. А нижняя губа – очень короткая.... Да кто же это такой, а?

– Осётр, однако, – раздаётся сзади густой мужской голос.

– Гав! – подтверждает собака.

– Большой и настоящий, однако.... Взять травоядного и мирного осетра – на блесну? Почётное дело. Невероятное.... Ну, парень, однако, ты и молодец. Красава самая натуральная....

Олег оборачивается. В трёх-четырёх метрах от него, рядом с замшелым корнем-выворотнем, стоит, опираясь на чёрный посох, высокий узкоглазый старикан в тёмно-бордовом малахе, расшитом разноцветным бисером. У ног старика, беззаботно щурясь, сидит Найда.

– Здравствуй, дядя Костыка, – радостно улыбается Олег.

Сделав несколько шагов навстречу, он протягивает пожилому мужчине открытую правую ладонь.

– Привет, Красава. Муза нсунск³, однако, – отвечая на рукопожатие, произносит старик. – А ты изменился – со времени нашей последней встречи. Вырос, однако. Возмужал.

– Как ты меня назвал?

– Красава, однако. Так ительмены и паланцы величают успешных и удачливых людей. Так издревле повелось. Не нами заведено, не нам, однако, и отменять. Красава...

³ – Муза нсунск – ительменское приветствие, дословный перевод: – «Мы ещё живы».

Глава вторая

Шаман – лучший друг беглеца

– Это точно – осётр? – недоверчиво разглядывая добычу, сомневается Олег.

– Точно, однако. Гадом буду. По крайней мере, однако, относится к осетровым.

– А откуда им, благородным и осетровым, взяться в нашей северной Камчатке?

– Много откуда, – усмехается старик. – Считается, однако, что внутренние воды Камчатского полуострова бедны пресноводными рыбами. Ну, советские учёные и начали, однако, активно выпускать в местные водоёмы мальков всяких нездешних рыб: карася, амурского сазана, толстолобика и даже стерляди. С переменным успехом, понятное дело, выпускать... Как сейчас помню, однако. Было это, кажется, в 1958-ом году. Приехали в эти благословенные места всякие и разные, однако, хиленькие, бородатенькие и в очочках. Приехали, посоветовались, да и выпустили в Кирпичную протоку (ну, в ту, что протекает возле села Милькова, однако), несколько тысяч личинок обской стерляди. Выпустили и, однако, уехали восвояси... Прижилась ли стерлядка в Камчатке? Плохенько, но, всё же. Несколько раз здешние рыбаки её лавливали. Один раз в 1967-ом году, однако. Другой, кажется, в 1973-ем.

– Значит, я стерлядь поймал?

– Нет, конечно же, однако. Те стерлядки (и в шестьдесят седьмом, и в семьдесят третьем), маленькими были, не более двух килограмм каждая. Твой же трофей, однако, знатный. В том смысле, что и на все тридцать пять запросто потянет. Сейчас, Красава, определимся...

Старик, опираясь на посох, подходит к пойманной рыбине, присаживается на корточки, внимательно осматривает её и через пару минут выносит авторитетный вердикт:

– Это, однако, калуга. Тихоокеанская. При мне точно такую же рыбаки поймали в прошлом, 1997-ом году. В устье реки Паланы, однако. Неводом. Ну, один в один. И длина такая же, однако, чуть больше полутора метров. И круглый рот. И короткая нижняя губа. И, однако, приметные уродливые «шишечки» вдоль хребта.

– Тихоокеанская калуга? Не шутишь?

– Точно, однако. Честное шаманское слово.

– Ну, раз шаманское, – вздыхает Олег. – Тогда-то, конечно, верю...

Старик, подошедший к Олегу на речном берегу, являлся шаманом? Да, шаманом. Причём, самым-самым настоящим, без дураков. Не из тех пошлых прохиндеев и хитрых жуликов, которых расплодилось после приснопамятной «горбачёвской» Перестройки – практически без счёта. Типа – обыкновенная и прибыльная коммерция. Мол, московские и зарубежные туристы, они страсть как падки на всяческую провинциальную экзотику. Например, на шаманские причудливые танцы – под заунывные горловые песни и монотонные перестуки бубна...

Итак, шаман являлся настоящим, из неоднозначных прошлых Времени.

Дело было так. Этот ительмен⁴ (тогда ещё достаточно молодой), объявился в Ключах в далёком 1957-ом году. То есть, пришёл – с тощей походной котомкой за плечами – в поселковое отделение милиции, совмещённое тогда с паспортным столом, продемонстрировал справку «о личности», выданную в чукотском Анадыре (ительменов тогда, как правило, паспортами не баловали), и попросил зарегистрировать его в качестве оседлого охотника-промысловика, приписанного к Ключам. Вообще-то, так не полагалось. Мол, в каком субъекте страны Советов тебе, представителю конкретного национального меньшинства, «личностную» справку выдали, в том и селись. Там же получай и возжеланный «статус оседлости», дающий право на получе-

⁴ – Ительмены – одна из коренных народностей Камчатского полуострова, проживают и на юге Чукотского полуострова.

ние продуктовых и, главное, водочно-табачных талонов... Но молодого пришлого ительмена, не смотря на устоявшиеся советские нормы и правила, приписали, всё-таки, к Ключам. И полагающимися талонами одарили сразу. Причём, на полгода вперёд. Неслыханное, между нами говоря, дело. Неслыханное, блин недопечённый... Почему так получилось? Трудно сказать однозначно. Возможно, что имела место быть банальная и пошлая взятка. Например, шкурками чернобурок, куниц и песцов. Или же (как тогда судачили в посёлке), у «пришлого нацмена» наличествовали определённые способности к гипнозу... Костька? Ну, это бытовое прозвище «приклеилось» к нему несколько позже, только через несколько месяцев. А тогда, в июле 1957-го, его записали в поселковой Книге учёта как – «Кутхе Атэс». Мол, «Кутхе» – имя. А «Атэс», наоборот, фамилия. Это уже потом выяснилось, что «Кутхе Атэс», в переводе с ительменского языка, означает – «Скрытный Ворон». Или же – «Ворон, скрывающий заветную тайну». Странная и запутанная история, короче говоря...

Как бы там не было, но Кутхе Атэс – уже через пару-тройку недель после регистрации – установил в Сиреневом распадке (примерно в шестнадцати с половиной километрах от вулкана Шивелуча), крепкий свайный балаган. Это такое летнее жилище ительменов. Сперва в землю вкапывают и тщательно фиксируют – с помощью тяжёлых камней – толстые брёвна листовенницы, установленные вертикально. Потом, используя торцы этих брёвен в качестве надёжных опор, на высоте метра с небольшим над землёй (подальше от бурых лесных мышей, песцов, прожорливых тарбаганов и хитрых лисиц), из берёзовых стволов мастерят прямоугольную горизонтальную платформу, на которой и устанавливают просторный пирамидальный шалаш, сплетённый из толстых веток и крытый древесной корой, камышами и пучками трав. Получается – свайный балаган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.